

Ну, я тогда еще раз объясню: твое сердце — это сердце моего сына. Позавчера в полдень он погиб в автокатастрофе на месте. Поскольку при жизни он подписывал согласие на донорство органов, а тебе как раз требовалась пересадка, врачи пересадили сердце моего сына тебе. Теперь понятно?

Лу Пэй слегка кивнул.

— Я не собираюсь делать тебе одолжение и позволять называть меня матерью просто так. Я тут навела справки: когда-то вы с моим сыном были вместе, и, кажется, ты ему очень нравился. Что ж, все, что раньше принадлежало моему сыну, я отдам тебе, — властно и холодно произнесла Мать Линь.

Сначала Лу Пэй подумал, что это какая-то глупая шутка, но постепенно из слов женщины до него стали доходить важные детали. Они с ее сыном состояли в отношениях — выходит, умершего он знал.

Лу Пэй невольно вспомнил свой недавний кошмар и не смел даже думать о таком страшном совпадении.

— Я... могу спросить, как звали вашего сына?

— Линь Мао, владелец корпорации «Ланьшэн». Ты ведь знал его, не так ли? — Мать Линь держалась холодно и надменно. В глубине души она вовсе не жалела Лу Пэя, но раз тот был бывшим возлюбленным ее сына, а теперь в его груди билось сердце ее мальчика, она обязана была сделать так, чтобы это сердце продолжало жить.

Лу Пэй резко замер. Какое-то внутреннее предчувствие у него уже было, но когда женщина произнесла это вслух, смириться оказалось невероятно трудно. Такого просто не могло быть.

— То есть вы хотите сказать, что Линь Мао мертв? — Лу Пэй в упор смотрел на лицо женщины, отчаянно надеясь услышать отрицательный ответ.

— Он мертв, его тело в морге этажом ниже, — Мать Линь была холодна и в словах, и во взгляде.

— Нет, мы с Линь Мао уже расстались. Я — это я, а он — это он. И даже если он отдал мне свое сердце — ну и что? Мало ли что там было между ним и больницей, ко мне это не имеет никакого отношения. Я не собираюсь заменять его или становиться его двойником! — отчаянно запротестовал Лу Пэй.

— А твоя нынешняя работа — разве не подарок моего сына? У тебя нет права говорить «нет». По крайней мере, со мной такие номера не пройдут, — Мать Линь свысока смотрела на человека, в груди которого билось сердце ее ребенка. Ее бесстрастный, равнодушный взгляд говорил о том, что она видит перед собой лишь пустой сосуд — оболочку, созданную лишь для того, чтобы носить в себе сердце ее сына.

Жесткий тон Мать Линь подавил Лу Пэя. Опустив глаза, он посмотрел на собственную грудь, пересеченную багровым шрамом. Ему безумно хотелось рассмеяться, уголки его губ даже дернулись в подобии улыбки, но из этого ничего не вышло.

Линь Мао мертв. Линь Мао отдал ему свое сердце.

Значит, тот сон был правдой? Он косвенно стал причиной смерти Линь Мао, но Линь Мао все

равно спас его после своей гибели.

Теперь он до конца дней будет связан с Линь Мао.

Если только не вырезать собственное сердце...

— Вот это жестоко!

— Хотя боли тело и не чувствует, но столько крови — это же жуть как страшно!

— Ты не человек! — Линь Мао мчал сквозь ночную тьму на серебристом спорткаре, на его лице застыло привычное, ничем не прошибаемое равнодушие.

— Ой-ой-ой, да ты обзываешься! Слышь, паршивый покорный омега, в следующий раз я лишу тебя всех привилегий, и ты будешь вылетать из мира сразу после смерти.

— Как знаешь!

— Да извинись же ты! Извинись, и я тебя прощу.

Уголки губ Линь Мао едва заметно дрогнули:

— Без проблем.

— Я же просил тебя извиниться, а не меня!

— Слишком много болтаешь.

— Ой-ой-ой, объявляю забастовку! Божество романов-драм, я уйду в забастовку!

— Оно не слышит твой голос.

— Всё, я на тебя обиделся.

Сяо Хуан Шу растекся по пассажирскому сидению, изображая труп.

Линь Мао бросил на него косой взгляд, в его угольно-черных глазах залегла глубина:

— Что там у Го Цзяна?

— Уже спит.

— Десять секунд. Десять, девять, восьмая, вторая, первая. Время вышло.

— А где семь, шесть, пяти, четыре, три? Ты их проглотил?

Го Минъи заперли в подземном паркинге. Он был готов к неприятностям и чувствовал, что в последнее время обстановка накалилась до предела, но пресловутый человеческий фактор подвел и на этот раз. Он совершил ошибку — проявил излишнюю самонадеянность, решив, что враги не посмеют действовать так нагло. Однако они не только действовали в открытую, но и поджидали его с тесаками наперевес. Лифт в отеле не работал, а в конце лестничного прохода за углом дежурили пять или шесть бандитов с ножами.

Еще до того, как ситуация начала казаться подозрительной, Го Минъи успел позвонить своим людям, но прошло уже двадцать минут, а от подмоги не было ни слуху ни духу.

Они пришли подготовленными — в этом Го Минъи сомневаться не приходилось. С ним остались двое: у одного была ранена рука, и кровь заливала пол. Оставалось либо ждать верной смерти, либо прорываться с боем — возможно, это дало бы шанс выжить. Го Минъи оттолкнул заслонявшего его подчиненного, приказав остальным посторониться.

— Босс, нельзя, никак нельзя выходить! — уцелевший охранник наотрез отказывался отступить.

Го Минъи бросил на него ледяной взгляд, обошел подчиненного и решительно направился к выходу из-за поворота.

Его внезапное появление заставило рыскавших по паркингу бандитов мгновенно сорваться с места — словно своя стая голодных гиен, почуявших добычу, они с бешеным лаем бросились вперед.

Го Минъи крутанул шею, суставы громко хрустнули. Сжав кулаки, он встретил первого нападавшего: резко уйдя корпусом вправо от яростного удара, он вложил всю силу в сокрушительный удар снизу, прямо в челюсть врагу.

Несколько выбитых зубов бандита брызнули кровью. Второй и третий головорезы кинулись на него одновременно, занеся клинки. Правой рукой Го Минъи перехватил запястье одного, а левой молниеносно ухватился за рукоять чужого ножа и резко рванул назад — лезвия со скрежетом столкнулись друг с другом.

В тот же миг Го Минъи со страшной силой врезал носком ботинка в коленную чашечку второго бандита, дробя кость, выхватил у него оружие и полоснул наотмашь. Третий нападавший не успел защититься, и его грудь мгновенно пересекла алая полоса.

Развернувшись в прыжке, Го Минъи ударил третьего ногой в голову, отчего тот отлетел метра на три-четыре.

Но тут на него лавиной хлынули четвертый, пятый и шестой противники.

Несмотря на молниеносную реакцию, двум рукам трудно справиться с дюжиной кулаков: в спину Го Минъи уже пришелся удар ножом. Вдобавок подтягивались все новые бандиты. Краем глаза он успел заметить, что один из его людей уже лежал на полу без сознания, а второй держался на ногах из последних сил.

Хрусь! Переломав руку очередному головорезу, Го Минъи оказался вжат спиной в стену. Толпа нападавших бандитов сверкала безумными, налитыми кровью глазами — каждый помнил про два миллиона за голову Го Минъи и жаждал получить эту награду.

Бандиты занесли оружие, с криками бросившись на него единой волной.

Гул! Раздался оглушительный скрежет: металлическое ограждение у выезда было буквально снесено на полном ходу, после чего воздух разорвал визг тормозящих шин об асфальт. На секунду бандиты замерли от неожиданности, и эта короткая пауза подарила Го Минъи идеальный шанс для контратаки. Сделав два широких шага вперед, он ринулся в гущу схватки. На его теле уже кровоточило несколько ножевых ран, но врагов вокруг падало все больше.

Спорткар, вылетевший из ниоткуда, резко затормозил прямо за спинами бандитов. Дверь со стороны водителя распахнулась, и на парковку шагнул молодой человек в черном костюме. Высокий, с безупречной атлетической осанкой и правильными чертами лица, он левой рукой

непринужденно удерживал тяжелую телескопическую дубинку из черного металла.

Стоило Го Минъи разглядеть лицо парня, как сердце его пропустило удар. Однако новичок даже не взглянул в его сторону — с дубинкой наготове он быстрым шагом направился прямо к нему.

Остальные бандиты тоже заметили появление незваного гостя, и часть из них переключила внимание, развернув клинки против юноши. Зажав рукой кровоточащую рану на предплечье, Го Минъи прислонился спиной к дверце припаркованного автомобиля.

Всего в нескольких метрах от него разворачивалась жестокая бойня.

В руках Линь Мао черная дубинка превращалась в смертоносное оружие: каждый его удар сопровождался истошными воплями врагов. Он прекрасно знал уязвимые точки человеческого тела, способные мгновенно вывести бойца из строя, и методично бил бандитов по запястьям, шеем и суставам.

В отличие от Го Минъи, полагавшегося на грубую силу, Линь Мао побеждал за счет безупречной техники.

Две трети нападавших уже валялись на земле вповалку, но Линь Мао продолжал сражаться. Время от времени лезвия ножей оставляли порезы на его плечах и спине, однако стоило кому-то замахнуться, как этот человек тут же падал от удара его дубинки. С суровым выражением лица и глубоким, ледяным блеском в черных глазах, он стоял посреди поля боя в полном одиночестве, напоминая кровожадного асуру.

Почувствовав, что силы возвращаются к нему, Го Минъи немного перевел дух, поднял с пола обломок стальной трубы и тоже вернулся в бой.

Прикрывая спины друг друга, они вдвое быстрее расправлялись с оставшимися противниками. Кольцо врагов редело, а снаружи доносился рев моторов других подъезжающих машин.

Го Минъи отбросил ударом ноги очередного бандита, а Линь Мао точным тыком дубинки поразил уязвимый шейный позвонок нападавшего. В этот момент Линь Мао боковым зрением заметил, как кто-то из бандитов подкрался сзади, намереваясь исподтишка ударить Го Минъи. Не раздумывая ни секунды, подчиняясь инстинкту, который был сильнее разума, Линь Мао бросился наперерез. Клинок вошел ему прямо в живот, но он тут же выдернул дубинку из рук другого противника и обрушил ее на лицо подлеца.

Опоздай он хоть на секунду — и все было бы кончено, но Го Минъи уже ответил мощным ударом кулака в лицо нападавшему. Носовая кость хрустнула, проваливаясь внутрь, и тот рухнул на землю, испуская жалобные стоны.

Свирепый внедорожник Land Rover влетел на парковку и резко затормозил прямо рядом с Го Минъи. Дверь распахнулась, и сидевший внутри человек заорал во весь голос:

— Босс, скорее, садитесь!

Го Минъи схватил истекающего кровью Линь Мао за шиворот, рывком затащил его внутрь и закинул на заднее сиденье, после чего сам вскочил следом.

Водитель вывернул руль, и машина взвизгнула шинами, стремительно вырвавшись с парковки. Линь Мао зажимал рану обеими руками, но остановить кровь было совершенно

невозможно: ярко-алый поток непрерывно сочился сквозь его пальцы. Лицо его было мертвенно-бледным, губы почти лишились цвета, и хотя в глазах ещё теплился прежний свет, со стороны казалось, что это лишь вспышка перед уходом.

Протянув руку, Го Минъи помог зажать рану. Откинута на спинку кресла голова Линь Мао повернулась, он посмотрел на Го Минъи и лучезарно улыбнулся.

— Го Цзян... нет, Го Минъи, прости, я не узнал тебя раньше.

Кхе-кхе! Кхе! Из уголка рта Линь Мао брызнула тонкая струйка крови, но он не обратил на неё внимания и даже не стал вытирать.

— Прости, тогда, когда ты упал в реку, я не бросился спасать тебя сразу. Увидев, что с тобой всё в порядке, я успокоился.

Го Минъи ненавидел Линь Мао. В средних школе они были очень близки, часто вместе ходили на занятия и обратно. Но однажды он оступился и свалился в глубокую воду. Он громко звал на помощь, а Линь Мао не только не попытался его вытащить, но и повернулся и убежал. Если бы не случайно проходивший мимо рабочий, он бы тогда погиб. Дома Го Минъи целую неделю пролежал в лихорадке, а когда вернулся в школу и попытался разыскать Линь Мао, чтобы во всём разобраться, ему сказали, что тот перевёлся несколько дней назад.

Го Минъи решил, что Линь Мао просто бросил его умирать, испугавшись ответственности, и сбежал тайком. Го Минъи долго искал его и наконец недавно вышел на след.

Он уже проходил мимо Линь Мао, но тот совершенно его не помнил и даже крутил шашни с какими-то мужчинами. Го Минъи чувствовал, что это уже не тот Линь Мао, которого он знал когда-то — тот изменился до неузнаваемости. Поэтому Го Минъи решил отомстить: он сбил Линь Мао на машине, притворился мягким и заботливым, чтобы завоевать его сердце, а затем хотел исчезнуть в один миг — точно так же, как Линь Мао когда-то бросил его. Тело Линь Мао не привлекало Го Минъи — его воротило от мысли, что этого парня трахало столько мужиков, он казался ему грязным. Но чтобы сделать Линь Мао больно, лучшего способа, чем исчезнуть вместе с его деньгами, было не найти.

Го Минъи вовсе не нуждался в деньгах — те три миллиона Линь Мао так и лежали на карте нетронутыми. Ему просто грело душу сладкое предвкушение мести при мысли, что Линь Мао испытает всю боль брошенного человека, как некогда он сам.

Но почему всё обернулось иначе?

Линь Мао нашёл его, не только помог спастись, но и попросил прощения, ни словом не упомянув о его прежнем обмане и побеге.

В конце концов, Линь Мао занимал очень важное место в жизни Го Минъи, просто тот упорно этого не замечал.

И теперь Линь Мао пришёл к нему вот в таком необратимом виде, приняв за него удар.

Го Минъи чувствовал, как глубоко потрясена его душа. Он отчетливо помнил каждое движение Линь Мао: тот стоял перед толпой бесстрашно, гордо и непреклонно, без малейшей тени робости или страха. Этот человек совершенно не походил на того, кого он встретил впервые. Го Минъи был полностью пленен ослепительным образом Линь Мао, и именно в этот момент он постепенно осознал, что его ненависть на самом деле питалась любовью.

Он ненавидел так сильно лишь потому, что слишком сильно любил.

Линь Мао своей кровью смыл всю ненависть Го Минъи, и после этого в его сердце осталась лишь чистая, глубокая любовь.

— Линь Мао, потерпи ещё немного, мы скоро будем в больнице, — сказал Го Минъи, заметив, как у Линь Мао опускаются веки. Длинные ресницы Линь Мао едва заметно дрожали.

— Сколько ещё?

— Двадцать минут.

— Я спрашиваю, до больницы.

— Если не случится непредвиденного — минут десять.

— ...Тогда сделай так, чтобы оно случилось.

— Хорошо.

Линь Мао чуть качнулся, его голос стал совсем слабым, а улыбка — тусклой:

— Я не убегал, Минъи, я тогда не убегал. Я побежал искать людей поблизости, нашёл рабочего и умолял его прийти и спасти тебя, но на обратном пути я сорвался в овраг и сломал ногу. Когда я кое-как доковылял до реки, ни тебя, ни рабочего уже не было. Я не знал, в какой ты больнице, поэтому не смог тебя найти. А когда я вернулся домой, родители из-за ссор как раз разводились, и мама сразу же собрала вещи, увезя меня посреди ночи. Поверь мне, я никогда не думал бросать тебя, Минъи, умоляю, поверь.

— Верю, верю, не волнуйся так, не переживай, — Го Минъи крепко сжал руку Линь Мао.

Наверное, от большой потери крови рука казалась ледяной, словно он держал сосульку.

— Спасибо... спасибо, что не сердишься на меня.

Машина вдруг резко затормозила, и Линь Мао с Го Минъи на заднем сиденье качнуло вперед. Го Минъи успел прижать Линь Мао к груди, а сам ударился о спинку переднего сиденья.

— В чём дело? — волевое лицо Го Минъи исказилось от гнева.

— Босс, впереди ремонт дороги, дальше проезда нет.

— Тогда объезжай, — бросил Го Минъи.

— Это самая близкая дорога к больнице, если ехать в объезд, раньше чем через полчаса не доберемся, — испуганно пояснил подчиненный. Го Минъи огляделся по сторонам: справа виднелись какие-то новостройки, и он предположил, что там должна быть поликлиника.

— Едем туда.

Подчинённый развернул машину, и, миновав поворот, они направились вправо.

Но на беду, из-за прокладки метро этот участок дороги тоже был перекрыт.

Веки Линь Мао тяжело опускались, сознание начинало рассеиваться. Голос его звучал устало, словно он мог потерять сознание в любую минуту:

— Мне немного холодно, Минъи, обними меня, хорошо?

Го Минъи прижал Линь Мао к груди, охваченный тревогой и страхом. Они с таким трудом развеяли все недомолвки и поняли истинные чувства друг друга, и если сейчас с Линь Мао что-то случится, он не знал, на что будет способен.

Линь Мао уткнулся лицом в шею Го Минъи, его тело мелко дрожало от потери крови.

— Я не хочу возвращаться, мои родители вечно ссорятся, я не хочу их видеть. Минъи, я хочу быть с тобой, давай будем вместе всю жизнь, хорошо?

Го Минъи крепко обнимал тело Линь Мао, его голос осип, и в нём звучали сдерживаемые рыдания, которые он сам едва ли замечал:

— Хорошо, я не позволю тебе их видеть, мы всегда будем вместе.

— Спасибо, спасибо тебе... Я так счастлив, правда, еще никогда в жизни я не был так счастлив. Я хочу, чтобы так было всегда, всегда...

Голос у самого уха внезапно оборвался, и на мгновение, кроме шума мотора, вокруг воцарилась мертвая тишина.

— Линь Мао, Сяо Мао!

Го Минъи отстранил от себя Линь Мао, но голова последнего бессильно свесилась, а глаза были слегка прикрыты, будто он заснул. Го Минъи дрожащими руками попытался нащупать у Линь Мао дыхание — ничего.

Кровь, вытекавшая из ран Линь Мао, перекинулась и на одежду Го Минъи, и весь салон наполнился густым, резким запахом крови.

— Возвращаемся, в больницу не поедem.

Лицо Го Минъи скрылось в тени, а жуткий блеск в его глазах заставил сидящего впереди подчинённого содрогнуться.

Машина снова развернулась и направилась к дому Го Минъи.

В гостиной у Го Минъи стоял двухметровый аквариум. Едва вернувшись, он велел подчинённым сгонять за белым вином, а сам положил тело Линь Мао на пол, затем полностью слил воду из аквариума, выловил рыб, водоросли, камешки и прочий мусор.

Когда аквариум был очищен, Го Минъи подхватил Линь Мао на руки, приподнял его тело и бережно опустил внутрь.

Подчинённые принесли несколько глиняных кувшинов с вином, и по знаку Го Минъи они вылили вино внутрь.

Аквариум снова наполнился доверху, и тело Линь Мао заплыло посредине. Кровь расплылась в воде, мгновенно окрасив всю воду в аквариуме в багровый цвет.

— Так мы сможем никогда не расставаться.

Го Минъи стоял перед стеклом, с глубоким и безумным безумием во взгляде глядя на человека внутри. Подчинённые стояли за его спиной, переглядываясь между собой и крупно дрожа: им казалось, что их босс, должно быть, сошел с ума.

В бескрайнем, заброшенном и разбитом пространстве Линь Мао сидел в виде духа на неподвижном круглом зубчатом колесе. Вокруг царила мертвая тишина: кроме бесчисленных шестерёнок самой разной формы и размера, здесь не было ни единого живого существа, ни звука, ни малейшего тепла.

— Следующий мир!

— Идёт отбор... Найдено. По результатам читательского голосования выбрано одно из десяти ведущих произведений по уровню жестокости.

— Когда?

— На перестройку книжного мира требуется пять суток и ночей.

— Позовете, когда время придет.

— Хорошо.

Линь Мао закрыл глаза и так и остался сидеть в полном одиночестве. Он погрузился в самую глубь своего сознания — там царила первозданная темнота, но эта абсолютная чистота приносила ему душевный покой и позволяло расслабиться.

Увидев, что Линь Мао больше не говорит, Сяо Хуан Шу неторопливо захлопнуло страницы и улеглось на коленях у хозяина.

С другой стороны, в том книжном мире, откуда они только что ушли, из-за того, что Линь Мао после завершения сюжета не ушел сразу и продолжал слишком тесно общаться с главными героями, судьбы персонажей сильно отклонились от прежней колеи.

Лю Синьцзэ спал в одной постели с женой, но едва он засыпал, ему неизменно снился один и тот же сон: та же сцена, тот же человек. Высокий, худой юноша с ослепительно красивой внешностью стоял на вышке для прыжков в воду, привязав ноги эластичным тросом, а на губах его застыла легкая улыбка. Как только Лю Синьцзэ поднимался на помост, юноша внезапно отклонялся назад, и слова признания, которые он произносил перед падением, перестали быть беззвучными, разносясь по всему миру.

Я люблю тебя!

Я люблю тебя...

Люблю тебя...

Люблю тебя...

Тебя...

Лю Синьцзэ зажал уши руками, пытаясь заглушить этот голос, но все было напрасно: сколько бы усилий он ни прилагал, звук без малейшего промежутка проникал в его уши и даже в самое тело.

Лю Синьцзэ вновь в ужасе проснулся от кошмара. Он сел на постели, откинул одеяло, обулся в тапочки и, толкнув дверь спальни, вышел на балкон.

<http://bllate.org/book/22143/2307055>